

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

УДК 882.09

ББК 83.3 (2Рос=Рус)5-8...

В.В. Розанов

ПАМЯТИ Н.Н. СТРАХОВА*

Предисловие

Когда-то Розанов назвал Страхова «литературным изгнанником», с того времени мало что изменилось. За годы так называемой «перестройки» кого и чего только не издали, но не Страхова, чьи работы выходят как-то странно, дозированно (интересно, кто дозу определяет?) В 2000 году появился сборник литературных статей Страхова, который готовили к публикации Н.Н. Скатов и В.А. Котельников, но им так и не удалось отстоять книгу в том виде, в каком она была задумана публикаторами (знаю со слов Н.Н. Скатова) [*Страхов Н.Н.* Литературная критика: Сборник статей / вступ. статья и сост. това; коммент. В.А. Котельникова. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2000]. В 2007 году выходит «Мир как целое» [*Страхов Н.Н.* Мир как целое / предисл., коммент. Н.П. Ильина (Мальчевского). М.: Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, 2007]. Наконец, в 2010 году вышла книга под громким названием «Борьба с Западом», которая представляет собранные под одной обложкой некоторые статьи из классической трехтомной работы Страхова, принесшей ему известность [*Страхов Н.Н.* Борьба с Западом / составл. и коммент. А.В. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.] Для сравнения обратимся к тому, как начали издавать участника полемики со Страховым – В.С. Соловьева.

Уже в 1990 году выходит двухтомник Соловьева, куда вошли оба выпуска «Национального вопроса в России». В комментариях публикаторы вынуждены сообщить: «Статьи второго выпуска (1869–1891) сложились в ходе защиты Соловьевым своих воззрений от критики со стороны консервативных мыслителей и публицистов – Н.Н. Страхова, П.Е. Астафьева» [*Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. Философская публицистика / вступ. статья В.Ф. Асмуса; сост. и подгот. текста Н.В. Котрелева; примеч. Н.В. Котрелева и Е.Б. Рашковского. М.: Правда, 1990. С. 667]. В это время, замечу, ни Страхов, ни Астафьев переизданы не были, потому объективно понять, что отстаивала, по определению публикаторов Соловьева, в «ожесточенной полемике», иная сторона, было невозможно. Соловьев оказался доступным, а Страхова надо было разыскивать в старых дореволюционных изданиях. Между тем, кто знает, какое впечатление произвела

бы «Борьба с Западом» тогда, в начале 1990-х, когда в России еще было принято читать умные книги, когда эти книги еще оказывали влияние на умы «дорогих россиян». Но в развороте России к Западу политической верхушке и близкой к ней интеллигенции не нужен был Страхов, думаю, и по сей день не нужен, а вот Соловьев с его любовью к Западу и критикой в адрес России был и остается своим. Потому Соловьев издается и издается, начало выходить (или готовится) собрание сочинений, а Страхов все еще пребывает в изгнании.

После смерти Страхова Розанов опубликовал в «Русском Обозрении» (1896. № 10) некролог под названием «Н.Н. Страхов († 24 января 1896 г.)». Позднее этот некролог войдет в статью «Памяти усопших», которая будет включена Розановым в сборник «Литературные очерки». Этот сборник в 1899 году издаст П.П. Перцов. Через год после смерти Страхова Розанов опубликует без подписи и без заглавия небольшую статью, посвященную годовщине смерти Н.Н. Страхова и Ю.Н. Говорухи-Отрока (Свет. 1897. 24 января). Если некролог дает широкое и разностороннее представление о личности и трудах Страхова, то во второй статье Розанов кратко излагает основные события в жизни Страхова. Статья «Памяти Н.Н. Страхова» посвящена тем проблемам, которые фактически не затрагивались в некрологе и связаны с естественными интересами Страхова.

Предлагаемая публикация незавершенной статьи Розанова о Стракове – наша дань самого глубокого и искреннего уважения к деятельности, личности и трудам русского мыслителя Николая Николаевича Страхова. Кроме того, мы следуем и заветной мысли самого Розанова, высказанной в «Памяти усопших»: «Ее (статью. – И.Е.) необходимо издать, ибо ее место в *организме* (курсив везде Розанова. – И.Е.) работ Страхова очень важно, и нет никакой важности, что она выполнена лишь наполовину или на четверть».

И.А. Едошина

Отнимите у Фауста¹ его стремительность и мятежность, придайте ему тихую резигнацию², светлую покорность воле Божией; сохраните в

*Рукопись хранится РГАЛИ. Ф. 149. ОП. 1. Ед. хр. 194. Л. 2–8. Публикация Г.В. Нефедьева, комментарии и предисловие И.А. Едошиной.

нем всю безграничность умственных запросов и только оформите их, сообщите им точность и раздельность новой науки; оставьте в нем все сомнения, всю мощь анализа, но направьте его не на разрушение вечной и святой сущности вещей, а только на рассмотрение подлинных черт ее изпод одевающего их мусора человеческих мнений, неведения, суеверий; наконец, колючесть «холодных наблюдений ума»³ уравновесьте и смягчите приговорами богато развитого сердца, и вы получите образ восточного Фауста, – Фауста, выросшего на светлой почве Православия. Таков был для всякого, кто узнавал, кто узнавал его ближе, недавно почивший Ник.Ник. Страхов⁴. В будничной обстановке, среди занятий совершенно обыкновенных и иногда вынужденно вульгарных, он воплощал в себе в чистом и высоком виде главную идею новых веков – идею *познания*, без отнесения ее к той или иной частной сфере и так же без всякой для нее утилитарной подкладки, без узко определенной цели или сколько-нибудь верной надежды впереди. Оно влекло его самым процессом своим, и также тем, что стоять перед глухою стеною, за которой скрыта от человека Истина, или искать в этой стене хоть узких трещин, хоть кое-каких просветов к великой Реальности, на которую взглянуть непосредственно нам не дано в этой жизни, есть все таки лучшее, на что могут пойти наши труды и чему мы можем посвятить годы своего здешнего странствия. Это и есть та идея, которой Гете посвятил своего Фауста; средневековый сумрак, красивый плащ, драпирующийся около выведенной им фигуры, и вся дымка поэзии, которую дивный его гений окутал любимый образ, все таки не имеет никакого существенного значения. Существенное в Фаусте – то, что он вечно хочет и вечно же не может знать; в этой коллизии между порывами, текущими из глубочайших недр нашей души, и между границами, которые извне на нас положены.

В трудах, оставленных покойным⁵, чувствуется всюду эта коллизия. С одной стороны мы видим в нем постоянное возбужденное внимание, – мысль, чутко слушающую, не идет ли с какой-нибудь стороны истина; и почти всегда слышишь сожаление, почти скорбь о крайней недостаточности этой достигающей нас истины. Отсюда перемена областей внимания, которую мы наблюдаем в нем и в его трудах, точнее – множественность областей, куда устремлено это внимание. Наука и поэзия, интерес к которым никогда почти

не совмещается в человеке равномерно – в силу указанной причины равно приковывали его внимание; и точные наука и философия, обычно разделяющие своих адептов глубоким антагонизмом – в нем совмещались, помогая друг другу, без всякого противоборства⁶. Мы можем только заметить, – и это опять черта глубоко Фаустовская – что хоть медленно, но постоянно его тяготение к поэзии все возрастало: это имело источником для себя ту мысль его, что истина действительно нами искомая в науках и философии менее верна, более обманчива, нежели пассивно нами воспринимаемая как правда красоты, как истина прекрасного. В своем роде, поэзия была для него тою же Гретхен⁷, ради которой Фауст оставил свои колбы и реторты, и он все более и более оставлял для нее более проблематичные выводы диалектического метода или физиологии. Но и в самой поэзии им ценилась не форма, не мастерство техники, не этот «кимвал звенящий»⁸ в ее строфах, но *истина души человеческой*, насколько она высказывалась в поэте и его отношении к объективному миру или поскольку эту истину поэт подмечал в человеке и умел открывать ее размышляющему читателю. Человек – вот центр внимания, размышления, восхищенной любви, к которому наука ведет по какой-то темной, узкой, кривой, местами разломанной лестнице и перед которым искусство, с поэзией во главе, стоит как некоторые вечные, несокрушимые пропилеи. Отсюда ряд замечательных антиномий нашего поэта к *ложным* в основе своей поэтам, как Лермонтов⁹, Байрон (имя последнего, кажется, нигде вовсе не упоминается у Страхова)¹⁰, не смотря на непревосходимую красоту их в форме; совершенное его равнодушие к полу-истинным поэтам, незначительным в отношении познания человека (Диккенс¹¹, Гюго¹²); не главный интерес, у которых ложное в творчестве или недостаточное в душе чуть-чуть замешано (Гете¹³, Гоголь¹⁴); и, наконец, падение всеми силами духа, всею неотвязчивостью внимания, какою-то тоской привязанности к поэту чрезвычайно простому, не пре<те>нциозному в области философии, но который поразительно и в себе и в воссозданном им умел выразить *истину души человеческой* – к Пушкину. И в самом деле, в этом мимолетном чувстве:

«Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, в бедности, в чужих степях
Мои утраченные годы!

Я слышу вновь друзей предательский привет,
 На играх Вакха и Киприды,
 И сердцу вновь наносит холодный свет
 Неотразимые обиды.
 И нет отрады мне – и тихо предо мной
 Встают два призрака младые,
 Две тени милые – два данные судьбой
 Мне Ангела, во дни былые!
 Но оба с крыльями и с пламенным мечом.
 И стерегут... и метят мне оба,
 И оба говорят мне мертвым языком
 О тайнах вечности и гроба!»

(19 мая 1828)

Ведь это мимолетно – но как этоечно! Это прошло через душу поэта, владело ее не более одного дня – того 19 мая 28 года, которое значит под его рукописью – но почему же, почему с таким волнением мы это читаем? Что значит перед вечностью этих строк вечность алгебраических определений и формул? Как бедна перед ними эта алгебраическая вечность, как односторонняя, незначущая, как почти ложна в своей малости и несущестственности. Здесь – человек, там – только вывод его ума, какая-то пришитая к нему одежда, какие-то откинутые в сторону волосы, которые мы сожгли, ощутили при этом запах жженого рога, и, рассеяв горсть черной золы по ветру – ничего более не видим, и, главное, вовсе ничего не хотим видеть.

Сюда, чем далее шли годы и более умудрялся поживший писатель, пристальнее и пристальнее склонялся его взгляд. Однако, правда души человеческой, не создаваемая и не культивируемая, не лепимая человеком, но ему непосредственно данная и непосредственно же открывающаяся, – есть, очевидно, правда отраженная, есть вид истины, которая косым лучом нисходя на землю, имеет основание свое вовсе не на земле. Но здесь, переходя к этим основаниям, отыскивая чрево, породившее величайшую и драгоценнейшую в мироздании жемчужину, прекрасную душу человеческую, мы подходим

... к тайнам вечности и гроба¹⁵.

Об них никогда и ничего не говорил, не хотел говорить усопший писатель; но по той силе, по тому постоянству и твердости, с которыми он отрицал отрицания этих тайн и неустанно всю жизнь против этих отрицаний боролся, к ним не высказывал никакого уважения, какую бы значительность и преобладание в окружающем обществе они ни приобретали, – мы узнаем без труда, кто был он. Мы знаем глухие и противоречивые тол-

ки, об нем ходившие и после его смерти не умолкнувшие; но, если бы мы не имели и других, лично нам известных о нем данных, взглянув только на его книги, мы скажем теперь то, что при его жизни не удобно было сказать: он был раб Божий, в смирении служивший Ему все время, как сознательно жил, деятельно работал, и из-под пера его не вышло бы ничего или почти ничего, а выйдя – получило бы совершенно иной характер, если бы не этот аскетически-правильный взгляд на смысл труда своего, как на некоторое оправдание перед вечностью ничем не заслуженного счастья, ничем не оплаченного долга – *быть, существовать*.

Самый великий, самый основной дар, на котором все последующие дары, в течении жизни нами получаемые и щедро оплачиваемые, ложатся только как прибавление, поправка, улучшение – этот дар мы получаем бесплатно: конечно, мы должны понимать, что именно вся жизнь наша и есть уплата за него, что она ожидается, рассматривается, исследуется, в то время как мы беспечно живем, играем, трудимся, нисколько не вспоминаем об этом даре, и если не беспечно, то почти беспечно же умираем.

Эти мысли свои почивший писатель всегда таил; мы о них можем догадаться только из того, на чем, на каких произведениях слова человеческого он останавливал свое внимание, и на каких вопросах знания. Наконец, мы это отгадываем по *противоположению* тому, что с особою силою он отрицал; всегда косвенно, никогда прямо, он возводил мысль читателя, воспитывал его сердце к образованию в себе того душевного настроения, на которое в кратких этих строках мы чуть-чуть решаемся намекнуть.

Отсюда, из этого основного взгляда на задачу трудов своих, вытекает удивительный *колорит*, на них всех лежащий и который составляет совершенно исключительную, индивидуальную особенность умершего писателя. Мы его нигде не видим колеблющимся, но и никогда самонадеянным; нигде не приписывает он себе знаний, которых не имеет, ни заслуг, которое были бы проблематичны; и даже если приходится что-нибудь объяснить из частных своих отношений, чтобы указать лицо или источник своих сведений, он это делает, дабы чужая заслуга не пала на него. Он постоянно выставлял вперед себя Ап. Григорьева¹⁶ и Н.Я. Данилевского¹⁷, между тем как для всякого читателя их и *его* трудов несомненно, до чего

он был тоньше и сложнее последнего, логичнее, и, наконец, просто развитее, богаче первого. Но они раньше его высказали ту или иную мысль; быть может они высказали твердо воззрение, в котором еще колебался их осторожный друг; и он, совершенно самобытный и оригинальный, гораздо позднее выступал как истолкователь их взглядов, — и от этого истолковывал он всегда почти несравненно глубже, чем как они у них высказаны. Такова в особенности была вся его полемика из-за теорий Данилевского¹⁸, как исторических, так и естественно-исторических. Теория культурно-исторических типов¹⁹ вовсе не защищена только им, и опровержение дарвинизма²⁰ вовсе не поддержано только; он до такой степени усложнил и углубил первую, провел в ней такие новую и тонкие линии, которые, вне всякого сомнения, даже приблизительно не вырисовывались в уме автора *России и Европы*²¹; и, с другой стороны, замечания оброненные в *Дарвинизме*²² того же автора и вовсе не центральные в его опровержении (напр. О значении подбора как исключительно *критического* и *несколько не творческого* процесса природы, и, далее — о том, что дарвинизм есть теория только *возможного*, от которого нет еще никакого перехода к *действительному* в органическом мире), — эти замечания он развил в великолепные теории несокрушимого значения, в некоторую логику анти-дарвинизма, имеющую значение совершенно независимое от воззрений Данилевского. И, между тем, для не очень проницательного читателя кажется, будто он только комментирует чужие взгляды, и такой читатель уже готов усомниться в присутствии в нем самом творческих оригинальных сил. Только в полемике с Буллеровым и Вагнером²³, где ему не приходилось не разделять труд мысли и критики ни с кем другим, он не схоронил имя и лицо свое за чужим именем, и, однако, остался здесь, как и везде, и, без сомнения, но тем же, как везде основаниям — тверд, силен, без малейшего смущения или колебания о смысле своих слов в тех точных границах, в каких они были им высказаны.

Но это умственное его изящество было только последствием нравственного; на всем протяжении его трудов, из которых булыжная половина посвящена полемике, мы не видим его нигде *торжествующим* над «врагом»; черты торжества, жестокости, радости о своем умственном превосходстве, унижения противника — вот чего мы ни разу не встречаем на всем множестве им напи-

санных страниц. Он полемизирует с Писаревым²⁴ и «историческими идеями» Чернышевского²⁵, и делает это так, как бы совершенно уважал их; никакая выходка противника (напр. проф. Тимирязева²⁶) его не раздражает, не волнует, — его занимает только его мысль, возможная правда или очевидная ложь этой мысли; почти без исключения, он видит в противнике лучшее, чем на что этот противник хочет сам претендовать; нет авторитета, к которому он смутился бы подойти с критикой, и нет ничтожества, над которым бы не склонился бы с вниманием, с готовностью искать у него и при возможности что-нибудь найти. И никогда, никогда чувство мести над умирающим временем, осмеиваемую эпохой, которая, однако, ему самому нанесла величайшие раны, почти обесплодила всю его собственную деятельность, — это чувство никогда не загоралось в нем. Не было никого в нашей литературе, кто так хотел бы упавшего поддержать, у торжествующих убавить торжества. Различение того, что дурно, что хорошо, что человеку следует, что ему не следует — было в высшей степени присуще этому писателю, который навсегда останется в нашей литературе недосягаемым образцом того, как пишущий должен относиться к перу своему. Можно сказать, как раб Божий он был внутри себя, в невысказанном источнике своих произведений, так был и останется учителем вне себя по способу отношения своего к людям, предметам, вопросам науки, философии, публицистики. Во многом — для многих он покажется недостаточным, не досказавшим *этого* или *того*; но в том, что им сказано, никто, ни один противник не отыщет в нем ложного (это не значит — не отыщет *ошибочного*), не отыщет не правильного так сказать в *методе* нравственных отношений или в *способе* умственных исканий. И навсегда за эти редкие, исключительные дары свои он останется почтен в нашей литературе; многими он заслонится в ней, никогда не затемнится. И среди светил гораздо более ярких, светил, то пугающих странностью своих движений, — чистый и ровный свет этой поднявшейся теперь в небеса звезды, неизменно будет приковывать к себе взгляд душевно чистых и умственно возбужденных людей. Всегда будет этот свет смирять наши тревоги; примирять между нами вражду; всегда будет нас поучать и воспитывать.

В последние годы своей жизни Николай Николаевич уже очень мало писал, и, как мне лично известно, тяготился этим «бездельем», считал как бы неоправданным и для других бесполезным свое бытие. По видимому, как и все люди обширной публичной деятельности, он не создавал, или смущался *о себе* сознать, что самая существенная функция, выполняемая нами в жизни, не есть функция деятельности, но именно и только функция достойного бытия. Это тотчас стало ясно, как только смерть прикончила все земные счета. Никакого умственного ущерба не нанесла она обществу, ни чьих надежд не обманула, никаких сомнений не оставила «теперь навсегда неразрешенными»; казалось, литература и общество ничего не понесли в его смерти. Между тем они понесли ущерб огромный: совершилась потеря чуткого слушателя наших дел, закрылся некоторый правдивый глаз, который в безмолвии и не замешиваясь деятельно в нашу жизнь блюл ее в перипетиях борьбы и злости. Стало как будто несколько бесстыднее на земле; стало, пожалуй, даже легче: можно сделать *то* и *это*, высказать *то* и *се*, не ожидая встретить суд для себя, или встречая такой суд, которым можно пренебречь. Но с этим внешним облегчением неразделима внутренняя некоторая тягость: несколько скучнее стало на земле, несколько бесцельнее; несколько менее хочется сделать *то* и это хорошее, высказать *ту* или *эту* правдивую мысль, и высказать ее хорошо. Покойный любил, чтобы хорошие вещи хорошо высказывались. Ибо, в конце концов, множественность судей наших, зрителей и слушателей, не значит ничего; и жизнь действительно не есть театр, человек – не актер, и хоть он пользуется аплодисментами, боится шикааний – не этого в тайне души боится он и не этого хочет.

Жизнь в самых публичных своих формах, каковы литература, наука, искусство, политика не только не продолжались бы достойно, но и не продолжались бы вовсе, прекратились бы совсем или по крайней мере поблекли бы, – если бы, совершенно в стороне от нее, в тихом безмолвии, не присутствовали тысячи высоко достойных людей, ради которых стоит жить. Люди эти не понимают, не видят, отвергли бы смущенно, если бы кто-нибудь сказал им, что именно они и составляют центр тяжести всемирной истории; что, в сущности, для них все совершается; ими все живут; «о них» все спасается; каждый из этих людей, в смирении, занят делом своим – один поправля-

ет дом, другой отдает детей в ученье, начинает озабочиваться рушащимся здоровьем – и, кажется при этом всякому, что данным трудом и истощается жизнь его, нужда бытия его для общей жизни. В сущности, если бы пропала эта иллюзия, они действительно и разом потеряли бы эту ценность. Но тайна в том, что это все таки иллюзия, и в истине своей эти люди, имена которых никогда не произносятся в истории, и составляют ἀρχὴ τῆς γενέσεως²⁷ ее и в месте τς τέλος²⁸, ее одушевляющий принцип и вместе цель. Ибо никогда не пришло бы герою в голову творить подвиги, и даже всякому большому человеку – делать нужное дело, если бы не темное, но постоянное ощущение ими вокруг себя мириад прекрасных в безмолвии своем людей, в которых высоко-человеческое, хотя и в простых формах, уже *осуществлено, есть*, перестало быть проблемой и существует как действительность. Без этого ощущения, также не очень отчетливого, маршалы побросали бы свои жезлы и побежали вспять, мудрецы начали бы говорить глупости, поэты – сочинять декадентские стихи и законодатели стали бы законодательствовать только имея ввиду свою пользу. Остались бы тысячи разбегающихся во все стороны Фальстафов²⁹ и умерла бы история, умер бы человек, не продолжалась бы недостойная продолжаться жизнь. В самом деле, неопределенное, неуловимое, нематериальное «лучшее», этот завиток идеала в реальном, как уже учил, впрочем, и Платон³⁰ – есть нерв мира, есть основа всех уловимых, определенных и материальных в нем вещей; в христианском мире едва ли не это же названо «надеждою», и также указано, уже с небес, что без нее мир не был бы.

Эта функция – бытия как лучшего – и выполнялось усопшим писателем в самое последнее время, когда он томился своею «бездеятельностью»; утрату этой функции мы чувствуем.

Внешние рамки этой погасшей жизни, хронологические ее рамки – известны. В пределах этих дат она текла ровно, без потрясений, без резких даже колебаний, но нужен был постоянный труд, чтобы поддерживать ее внешнюю устойчивость, и нужно было постоянное, десятилетие тянувшееся, одушевление, чтобы наполнить ее мыслью, чтобы исполнить ее борьбою, никогда порывистою, всегда благородною, и стойкою.

«Как вы счастливы, В.В., в какое вы счастливое время живете: вы можете помещать свои статьи в “Русском Вестнике”³¹, в “Русском обозрении”³², в “Московских Ведомостях”³³, в “Новом Времени”³⁴», – сказал мне умерший после принятия моей статьи последнею газетою: «бывали промежутки времени, когда я н и г д е не мог найти места для своих статей, не было ни одного журнала нашего направления. Очень трудно было существовать, и я перебивался это время только переводами для книгопродавцев, – обыкновенно с немецкого». Кто знает, не эту ли нужду объясняется, что наша литература обогатилась превосходными переводами Куно-Фишера («История Новой философии», 4 т., СПб., 62–65 гг.)³⁵, Ланге («История материализма») ³⁶, Тэна («Об уме и познании») ³⁷ и др. меньших трудов³⁸. Покойный очень радовался, когда слышал похвалы этой образовательной работе своей, и запоминал отзывы. «Ваш перевод обыкновенно яснее оригинала и совершенно ему верен», – сказал ему кто-то, уже давно, и он мне передал этот отзыв с истинною радостью; «отрывок перевода из Федона³⁹, сделанный мною в “Вечных истинах”⁴⁰ (рассуждение Сократа⁴¹ об Анаксагоровском *νοῦς* и о целесообразности в природе) – очень понравилось Льву Николаевичу (Толстому)⁴²; он сказал: *вот как нужно переводить*», – рассказывал он мне в другой раз. Действительно, отличительная черта переводов Страхова состоит в том, что при чтении вовсе не чувствуется, что книга переведена, она кажется написанною по-русски, т.е. он *усваивал* русскому языку авторов. Вместе с некоторыми другими, как Неведомский⁴³, Пыпин⁴⁴, как неизвестный переводчик «Опытов» Карлейля (78 г.)⁴⁵ он должен быть признан классическим переводчиком научно философских произведений; труд которого не отдает вовсе копотью лампы и потом усилий, но имеет в себе всю теплоту и прелесть живого, одушевленного создания. Неряшливость некоторых переводов, как напр. Дарвина – Сеченовым⁴⁶, или «Истории английской литературы» Тэна – побудила его написать несколько кратких заметок. Но тут он был не прав, по крайней мере в том, что касается «Истории английской литературы» – «Истории общественного развития Англии в связи с литературою», как передает переводчик⁴⁷. Дело в том, что этот перевод, как и множество других, сделанных в 60–70-е годы, должны быть рассматриваемы как самостоятельные, оригинальные произведения,

имеющие цену совершенно независимую от переводимого оригинала и гораздо большую, чем какую имеет обыкновенный правильный перевод: переводимый автор был только возбудителем сил, совершенно туземных по происхождению и вовсе ему не подчинявшихся; часто был только орудием действия, средством проявлении этих сил, которые естественно и приспособлялись к себе, формировали по своему закону употребляемое орудие или средство.

Умственный труд заполнял все время Н.Н. Страхова; никогда не тяготясь людьми, любя их общество, он не хотел уделять живым большее время, нежели, на сколько они имели право пропорционально умершим. Поэтому он не любил, когда посетитель приходил к нему не в *среду*, – день, который он посвящал тесному кругу друзей своих. Эта правильность жизни имела за себя столько серьезных умственных оснований, что он прямо и открыто высказывал даже ближайшим к себе людям, что для него было бы тяжело их невнимание к этой правильности. «Ну, вы знаете В.В. – у меня *среды*», – предупредил он меня тотчас, как я переселился, года 3 назад, на постоянное жительство в Петербург: «Я буду рад видеть вас и не в *среду*, но вы подумайте, что нужно же дело делать, хотя бы живая беседа и была приятнее этого дела». Именно в первый год своего переселения в Петербург, независимо от своей воли, должен был пропускать множество *сред* и (уже по его желанию) вознаграждать эти пропуски в другие дни. Когда бы я не приходил к нему, я заставлял его постоянно за чтением; не за письмом, не за работою над книгой с пером в руках, но всегда и только за простым чтением, в большом кожаном кресле его приемной комнаты. Эти шесть дней в неделю, посвящаемые непрерывно великим умершим, труды которых окружали его, и образовали в нем тот фундамент необозримой почти начитанности, начитанности по всем почти областям человеческого ведения, который так заметно и выгодно отличал его писания от писаний других людей, или поверхностных иногда, или при глубине и точности, узко специальных. Без всякой видимой причины, он занят был прошлым годом изучением работ проф. Мечникова по воспалениям⁴⁸; я спросил его мнение об этом ученом, так странно нашумевшем в прессе с «галльскими осами»⁴⁹, бесплодность которых и занятость общественным делом, разрешала, по его мнению, трудности женского вопроса у челове-

ка, служа как бы прообразом этого разрешения.

«В самом деле – так глупо? Я не читал этой его статьи в “Вестнике Европы”, хотя читал об ней и отчасти слышал. Удивительно и странно. Труды Мечникова несравненны по своему научному духу, по остроумию, пронизательности, и есть то, что немцы называют...» Он произнес слово, мне непонятное: «т.е. они составляют эпоху в науке физиологии, становятся в ней фактом, от которого пойдет новое и самостоятельное течение мысли».

Около этого времени я слышал от кого-то (и передаю это сообщение конечно не в умаление, но именно в охранение репутации нашего ученого), непосредственно лично знавшего знаменитого харьковского профессора⁵⁰, что этот необыкновенно даровитый, почти гениальный человек подвергается по временам каким-то мозговым припадкам⁵¹, нисколько не отнимающим у него способность к работе, и во время которых он и делает, и говорит, и если пишет – то и пишет чрезвычайные странности, ничего не имеющие общего с его обычными трудами; сообщивший мне это – тоже в ответ на вопрос о «галльских осах» – сказал, что вне всякого сомнения эта статья имеет подобное же происхождение, при чем пресса невольно для себя и даже невольно для автора была мистифицирована. Я передал это Страхову:

«В самом деле – это возможно, и, конечно, тут менее странного, нежели как то, чтобы умный человек, чтобы человек такого несравненно ума заговорил о столь банальной теме и стал доказывать ее столь уродливыми аналогиями».

В другой раз, увидев у него «Основы химии» Менделеева⁵², я заговорил о том, как странно и печально у нас идет умственная жизнь: «вот, вы высказали сомнение в атомистической теории⁵³, очень правдоподобно указывая на невозможность существования атомов, как их представляют себе химики. И что же, ни *да*, ни *нет*, не говоря уже о *мотивированном* “да” или “нет” вы не услышали от 8 наших университетов и множества высших технических ученых заведений. Помилуйте, в Испании, во времена Аверроэса⁵⁴, умственная жизнь была живее...»

Это была моя постоянная болящая тема размышлений. Замечательно, что Страхов никогда не разделял моего беспокойства. Он тотчас вступался за Менделеева⁵⁵, который подал повод для разговора:

«По важности открытых им законов», – он

задумался на минуту: «по важности этих законов Менделеев может быть назван Кеплером⁵⁶ химии. Вы говорите о теории атомов, о моих возражениях против нее. Менделеев знает эти возражения, но умалчивает о них в своих “Основах”; хотя, в одном месте книги, он оговаривает мысли к его науке относящиеся, высказанные Б.Н. Чичериным⁵⁷, тоже вовсе не специалистом по химии. Он *не хотел* мне возражать, не хотел запутываться в цикле этих вопросов. Теория атомов слишком удобна при объяснениях, при формулировках, даже при описаниях, и химики пользуются ею, как мы пользуемся удобным, хотя бы и неправильным оборотом речи, который нам облегчает выражение мысли...»

Он еще рассказывал много любопытного о знаменитом химике (Менделееве. – *И.Е.*), которого лично знал; между прочим – что в очень молодые годы это был весельчак, чрезвычайно живой, увлекающийся и вовсе не думавший посвящать себя науке. «Это было чисто открытие, т.е. что он открыл химию как наиболее сродную своему гению науку, и химия открыла в нем даровитейшего своего возделывателя. Он ничем не занимался, поступив в Университет, мало посещал лекции; занялся химией – едва ли не случайно, заинтересовался, и пошел, и пошел вглубь. Открыл в ней так много, достиг такого понимания, как до него – ни один русский...»

Это мне показалось интересным с той стороны, что подтверждало мою мысль о ненужности для успехов в науке очень долгого, очень систематического, очень «муштрующего» общего образования, которое теперь поглощает – в гимназиях – все силы юношества; я припомнил Остроградского⁵⁸, который 16 лет окончил гимназию, 21 года – университет и немного лет спустя, кажется не достигнув еще 30 лет – был уже академиком. Тайна здесь в том, что приблизительно около 21 года пробуждаются творческие оригинальные силы у мужчины; и если годы эти посвятить пассивному принудительному усвоению (в гимназии и на студенческой скамье) – активные силы наверное не пробудятся вовсе. От этого с удлинением курса учения в гимназии до 19 – 21 года и в университете до 24 – 26 года⁵⁹, умственное творчество нашей страны (да и всюду в Европе) вдруг и неожиданно прекратилось. Прежде в университет вступали малосведущие юноши – неопытные, наивные, но с высокой способностью к нравственному идеалу, с туманным и тем более манящим

представлением науки; в жизнь они же вступали еще свежими, доверчивыми, и тотчас завязывали около себя семью и домашний очаг. Теперь мы видим в университете перезрелых и полинялых юношей, довольно осведомленных, но с крайним отвращением ко всякому новому умственному напряжению; из университета они выходят в жизнь уже потертыми крепышами, умственно очень тупыми, точнее – апатичными, но практически крайне чуткими. Ни семья, ни домашний очаг их не манит, так как они видят их матерьяльную отягощенность и совершенно не имеют вкуса к их поэтической, романтической стороне.

Год спустя, и совершенно случайно, разговор о том же ученом у нас возобновился – на этот раз в присутствии проф. М.И. Каринского⁶⁰ и Э.Л. Радлова⁶¹; заговорили об известном отказе Академии наук⁶² принять в число своих сочленов Менделеева; между прочим, я спросил, об отношении самого Менделеева к студентам, лекциям и вообще университету. «Да он вышел из университета», – сказал кто-то из собеседников: «вышел по сущим пустякам. Он исправлял временно должность ректора (или декана – уже не помню) и во время случившегося волнения студентов, чтобы их успокоить – обещал передать их просьбу Совету ли университета, магистру ли; только оказалось, что он не имел права ни выслушивать от них просьбы, а тем паче обещать им что-нибудь, предварительно не снесшись с надлежащим начальством. Ему сделан был официальный выговор по службе, он не вынес этого и вышел в отставку»⁶³.

Не могу выразить степени моего изумления. Я знал из истории физики, что когда знаменитый Вольт⁶⁴, изобретатель электрического столба, носящего его имя, отказывался читать лекции, ссылаясь на совершенный недостаток времени, Наполеон I, сам Наполеон, которого боялись императоры и короли, просил его остаться в университете, обратив к нему следующие слова: «прошу Вас не оставлять университет, для славы которого необходимо Ваше имя; а лекции вы можете читать сколько хотите, 3 – 4 в год, и в таком количестве они не помешают вашим ученым занятиям». – Наполеон I – и департамент «ведомства», начала века – и его конец, как поразительно, какое поразительное совпадение!.. О, Овидий, ты как будто и теперь еще блуждаешь по диким степям северного Понта⁶⁵ и как будто далее на севере живут и до сих пор «андрофаги», «гипербореи» и

другие чудища, пугавшие воображение Геродота⁶⁶.

Грустно, какие великие перевороты, какие великие факты совершаются у нас тихо, бесшумно, через простое занумерование двух бумаг, одной «исходящей» и другой «входящей»... Сколько толков до сих пор о Петре Рамусе⁶⁷; как хорошо сияют в истории эти золотые слова Наполеона к Вольте; о, как славны даже костер, на котором был сожжен Бруно⁶⁸, веревки, которыми был привязан к позорному столбу де Фоз⁶⁹. Как все это было ярко! как было все сильно! Но наша история – какая это грустная игра под сурдинкой, без криков, без ясно выраженной боли, без огня и железа, – и только с какими-то глупыми сказами отставленных чиновников, да иногда с побитой ради этой отставки женой. Великая усыпальница, великий некрополь человеческого духа...

Замечательно и поразительно было *постоянное* светлое настроение духа усопшего писателя; очевидно, огромный запас чего-то доброго *сделанного* лежал у него позади в жизни, или как воспоминание – в сознании, и этот запас не допускал никогда уныния на его лице. Я совершенно не помню его никогда угнетенным, тоскующим, но понимал это только как светлую (успокоившуюся) старость; после его смерти, однако, один из ближайших его друзей, Пл.А. Кусков⁷⁰, знавший его еще студентом Педагогического института⁷¹, сказал мне, что это настроение духа было у покойного и всегда: «Я знаю его в течении 40 лет, всегда часто его видал и ни разу не видел его мрачным, раздраженным или вообще расстроенным» – черта совершенно необыкновенная. Ясно, что жизнь ему дала кое-то светлое удовлетворение; что и вне себя, в окружающей жизни, он не видел источников для серьезной печали.

«И что вы с русским человеком не делайте, как вы его ни реформируйте, сколько ни учите – всегда из всех испытаний, из под всякой моющей воды он вынырнет тем самым, каким его мать родила», – говаривал он мне не раз. Он был уверен, таким образом, в совершенной неуничтожимости, не искореняемости в нас нашего типа. Он разумел при этом, кажется, скорее не трагические, а комические, но добрые стороны нашего народного характера, – те стороны, которые дали такой чудный материал для Островского, Гоголя (в *не-злой* стороне их творчества); он разумел «широкость» русской природы; ее неупорядоченность, ее доброту и мягкость, связанную,

впрочем, и с легкомыслием. Он это любил, на это часто ужасно сердился, но и на это надеялся. И в самом деле, «Российская империя», «Россия» – это конечно брэнно как Рим, как Греция; но в «России» есть еще Р а с с е я – и вот это вечно, несокрушимо в веках и, как бы ни было порою безобразно в формах, как бы ни возмущало нашу душу – до отвращения, до исступления, имеет однако в себе и черточку какой-то вечной красоты, совершенно несокрушимой. «Способнейший народ – русские, но никакого толку...», определял он не однажды, и когда, бывало, смеясь и сорадуясь этому определению, я спрашивал его о соотечественниках Гете и Канта, он выразительно и с подчеркиванием говорил: «немцы тупы и наивны и в э т о м их великая сила». Эти формулы, в которых я не изменяю ни слова, он любил противопоставлять друг другу. И в самом деле, немцы – это народ, способный стадно и порознь уверовать в самую нелепую фикцию своего ума, но, уверовав, они со всею последовательностью односторонней и слепой логики проводят эту фикцию в жизнь, подчиняют ей личную или общественную свою деятельность. Жизнь их от этого не становится ни прекраснее, ни умнее; но она становится последовательнее, и вы знаете, по крайней мере, как к ней отнестись, как ее судить, как на нее воздействовать. Русский – вечный аналитик, и притом аналитик-художник; от этого он почти не знает энтузиазма; он начинает дело и уже в душе смеется над ним; кричит – и не верит словам своим; и это вовсе не в образованном только классе, это – в самом народе. И, между тем, жажда идеала в нем почти сильнее, чем в каком-либо другом человеке, он более томится по этом идеале, никогда почти не теряет потребности в нем, даже падая до «образа звериного». Образ Власа⁷² вовсе не есть художественная фантазия у нас, но повсюдная действительность, доходящая даже до высших «интеллигентных» слоев. Не могу не привести здесь, для подтверждения этих слов, одного рассказа (одного из множества аналогичных), какой мне пришлось выслушать от незначительного, но очень симпатичного «беллетриста-народника», сотрудника бывших *Отечественных Записок*, Н.О. Ст–ва⁷³; он дал мне прочитать маленький литературный эскиз свой, помещенный, кажется, в *Иллюстрированной газете*⁷⁴, где рассказывалось, как в недавний голодный год, видя всеобщую нужду односельчан своих, богатый мужик раскрыл свои закрома и раздал народу не-

сколько сотен пудов зерна, скопленного за прежние годы. Вскоре мы встретились с автором, и я заговорил об «идилии»: «вы не поверите – это действительно *было* в селе, где живет мой отец-священник и откуда я родом; а раздал хлеб свой народу *кабатчик*». – Отчего вы это не рассказали, это так характерно, спросил я его. – «Никто бы не поверил, вышла бы нелепая мораль, не нужное освещение факта, и вообще я стеснился, я почувствовал невозможность рассказать, *как* было все и *кто* были участники дела». И всегда, сквозь весь цинизм бытовых форм вы увидите, присмотревшись ближе к нашей жизни, огромный запас непечатого энтузиазма, но глубоко, стыдливо затаенного. Покажите этому народу-цицику св. Землю, но уже *несомненно, бесспорно* святую, без выдумок, без прикрас, покажите идеал неоспоримо великий, и сегодняшний «пропоица», вчерашний «кулак» – он завтра встанет перед вами как целомудренный и святой воин, как святой радатель святого дела...

Кажется, история России вся сложена из борьбы или, пожалуй, из простого чередования обнаружений трех этих элементов. «Россия», «Российская империя» вечно борется против Р а с с е и, хочет спрятать ее куда-нибудь, особенно от заграницы, ибо это – зазор, Азия, «необразованность», Бог знает что. Но, насмешливо скашивая глаза по направлению к «империи», – Р а с с е я, она же и м а т у ш к а Р у с ь, в странных опорках на босу ногу непременно покажется в самый невозможно-серьезный момент и в невозможно-важном месте и «срежет голову» своей единоутробной сестре, только что начавшей рисоваться перед Европою в качестве страны совершенно-культурной, готовой приобщиться и ко всем остальным благам цивилизации и прогресса. Наступает момент внутренней потасовки, которая в курсах истории именуется «обучением», и где «Россия», «империя» втихомолку, у себя на задворках является также совершенно Р а с с е ю, но только уже в жестоко-диком, а не в благодушно-диком виде, и, всегда за этим, достаточно «приготовившись» опять идет на некоторый вид исторической *выставка*, обыкновенно с столь же позорным концом. Перипетии этой борьбы, в редкие, трудные, безысходные моменты нарушаются проявлением третьей России, затаенной, скрытой под цинизмом, и которую припоминая смутно или которой чая в бедствиях народ зовет с в я т о ю Р у с ь ю. Она спасает все; она вынесла монгольское

иго и монголов за него не возненавидела; она благословила Петра на его подвиг, «сороботала» ему в этом подвиге, направленном против звериных черт в ее собственном образе; она боролась против Наполеона; восстановила царство в 1613 году; она сковала гнезда особенного своего идеализма в далеких монастырях Ледовитого океана, Ладожского озера, Брянских и Калужских лесов; в последний раз, плотною стеной, она ожидала 12 часов ночи, чтобы начать двигаться к усыпальнице царей своих и поклониться праху ею понятого, ею ранее всех оцenenного праведного царя. Почти не нужно пояснять, что в то время как «империя» главенствовала на Венском конгрессе, была «игемоном» в Священном союзе держав, несколько была водима за нос в «союзе трех императоров»⁷⁵ и окончательно проведена за эту деликатную часть тела на конгрессе в Берлине⁷⁶; в то время как она заводила присяжных поверенных⁷⁷ и мониторы⁷⁸, классическую реформу⁷⁹ и «Главное общество Российских железных дорог»⁸⁰, русифицировала Ост-зейский край и немечила При-Вислянский⁸¹, – та Р а с с е я, о которой мы сказали, что она вечна, создавала, чуть не из под ареста, наш эпос и нашу лирику, писала на «Россию» «Ревизора»⁸², кричала от «России» – «Горе от ума»⁸³, указывала, что в «России» «Мертвые души»⁸⁴, а забывшись, уйдя в себя – вывела на свет Божий семью Багровых⁸⁵, капитанскую дочку⁸⁶, Любима Торцова⁸⁷, но вместе с тем и переделала «присяжных поверенных» в «аблакатов»⁸⁸, приставил и ко всем реформам Расплюевых и Крачинских⁸⁹, одно в связи <с> другим, по некоторому закону духовной причинности.

Я несколько отвлекся в сторону. Страхов говорил, что за границу, где сравнение народностей само напрашивается на ум, преимущества русских в тонкости душевной организации, всего более бросается в глаза и отмечено прежде сего самими иностранцами. Он указывал, при этом, на печальные, дурные проявления этой тонкости, так как и посещают Западные края большею частью праздные, не занятые люди; но как в дурном, так и в хорошем, в гастрономии как и в музыке, в понимании природы, в оценке людей или политических и бытовых форм русские равно удивляют иностранцев пронизательностью взгляда и нежной восприимчивостью чувств. Равным образом мне приходилось от него слышать, что кто привык к русскому быту, к русской общительности, к оживленности и изящной простоте нашей

беседы, для того западное общество совершенно невыносимо по своей грубости и недалекости всех своих суждений, интересов, взаимного обращения.

– «Но вот», – заключил он один из подобных разговоров, развернув передо мной Суареца⁹⁰, испанского иезуита XVI-го века: «вот что у них писалось, вот как они умели исследовать три века назад; вот что остается для нас примером недостижимой любви к науке, неистощимого интереса к истине, непреодолимого упорства мысли. Мы этого не умеем, мы этого никогда не будем уметь. Мы все, со всей нашей тонкостью, при всей нашей даровитости, разменялись на мелочь. Написать благоухающее стихотворение, оценить бутылку старого вина, оценить женщину, не оскорбить ее, понять в тончайших движениях души или, напротив, оценить ее в совершенно противоположном смысле и в других “статях” – ну, конечно кто же это может кроме русского, тут он маэстро; но исследовать, но изучить, но дать прочные основания чему-нибудь или развить просто какую-нибудь мысль до конца – нет, уж прошу покорно, тут мы с первого шага п а с, лежим в лежку и только охаем от усталости. Это я называю культурой; ее нет у нас, ее никогда не будет. В самой своей тонкости мы какие-то дикари; это – тонкость безграмотного араба, сластолюбивого турка, невежественного лаццарони⁹¹; пожалуй – самоуглубленного раскольника...»

Мне кажется, из этих понятий его о том, чего недостает нам, объясняется в значительной степени характер его собственной деятельности. Он в высшей степени пытался победить в себе эти родовые, национальные недостатки; не дать им отразиться на трудах своих (как, напр., обильно и печально отразились они на работах Ап. Григорьева⁹²). Отсюда его методизм, его упорство в преследовании некоторых намеченных целей. Можно сказать, он умер, не оставив ничего доделывать за собою другим. Он издал и истолковал Ап. Григорьева⁹³; сколько возможно – он распространил в образованном обществе его идеи; он защитил от ожесточенных нападок Н.Я. Данилевского⁹⁴; более, чем с успехом защитил его – защитил право, основательно; он собрал все ценное, что написал сам в течение 40 лет, классифицировал это в отдельные сборники, по целям написанного, и издал⁹⁵. Его весь жизненный труд лежит перед читателями, не ожидая никакого добавочного к себе труда и только прося внимания.

И все это он сделал, не имея, в сущности, к этому почти никаких средств. Так, уже после смерти его, мне случилось узнать историю издания им Ап.-Григорьева⁹⁶. Известный романист наш и его приятель, Дм.Ив. Стахеев⁹⁷ (живший с ним в течение 14 лет на одной квартире) получил, от брата или дяди своего,

<Конец рукописи>

Примечания

¹ Фауст (Faust) – персонаж одноименной трагедии (1808–1832) И.В. Гете, чье имя, герои, мотивы встречаются в текстах Н.Н. Страхова. См., например, «Борьбу с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки» (СПб., 1882–1883). Как автор Гете не был чужд и В.В. Розанову, который в отличие от Страхова иначе воспринимал немецкого поэта: «Что может быть выше, нежели “Фауст”?... а сколько невысказанной грусти залегло в это чудное создание, в это соединение высочайшей красоты и самой глубокой мудрости!». – *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма. М.: Аграф, 2000. С. 29. Или: «Горечь в себе и собою составляет сущность “фаустовского”. Фауст без самоотречения, Фауст, не отвергающий себя, – есть уже Вагнер». – *Розанов В.В.* Собрание сочинений. «Легенда о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. С. 377. См. также: *Розановская энциклопедия* / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: РОССПЭН, 2008. Стлб. 234–235.

² Резигнация (вар.: резиньяция от франц. *resignation*, устар.) – безропотное смирение, полная покорность судьбе.

³ Неточная цитата из Посвящения к «Евгению Онегину» (1823–1831) А.С. Пушкина:

Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

⁴ Николай Николаевич Страхов, русский философ, публицист, литературный критик, умер 24.01 (5.02) 1896 года в Петербурге. В.В. Розанов опубликовал некролог «Н.Н. Страхов» (Русский Вестник. 1896. № 10), где, в частности, писал: «Гений духовный почившего критика был родствен с чертами музыки прекрасного поэта (Баратынского. – *И.Е.*) Мы назвали... его няней и пестуном младенческой нашей мысли, можно еще сказать, что он был Баратынским нашей философии. Есть какое-то несравненное изящество и благородство в чертах обоих, в трудах их...»

⁵ См.: *Будиловская А.Л., Егоров Б.Ф.* Библиография печатных трудов Н.Н. Страхова / Труды по русской и славянской филологии. Т. IX. Литературоведение. Тарту, 1966. С. 213–229; *Антонов Е.А.* Философ. Критик. Публицист. К 175-летию со дня рождения Николая Николаевича Страхова. Библиографический указатель литературы. Белгород, 2002.

⁶ После окончания духовной семинарии в Костроме Страхов в 1845 году поступил вольнослушателем на юридический факультет (камеральное отделение, где готовились чиновники по управлению государственным хозяйством) Петербургского университета, но летом

того же года после вступительного экзамена перешел на физико-математическое отделение. По признанию Страхова, ему хотелось изучать естественные науки, но он поступил на математику как на ближайший к ним предмет, чтобы иметь возможность получать стипендию. – *Страхов Н.Н.* Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 2. В январе 1848 года по финансовым соображениям он вынужден был перейти в Главный Педагогический университет, где физико-математический цикл сочетался с естественными предметами, который закончил в 1851 году, а в 1857 году защитил магистерскую диссертацию по зоологии. Тем не менее, позднее Страхов напишет: «Наука есть дело великое, хотя и не наилучшее и не высшее из человеческих дел». – *Страхов Н.Н.* О вечных истинах. Мой спор о спиритизме. СПб., 1887. С. 9. В своей первой книге «О методе естественных наук и значении их в общем образовании» (СПб., 1865) он высказывает принципиальную для своего творчества мысль: «Естественные науки имеют тройкий интерес: как полезные в практике, как удовлетворяющие особые теоретические потребности ума и, наконец, как питающие эстетическое чувство» («О методе...», с. 130). Так сам автор словно объясняет появление интереса к литературе, в частности, к творчеству А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Ап. Григорьева, А.А. Фета и др. См. классические работы Страхова «Ход нашей литературы, начиная с Ломоносова» (1873), «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки» (1882–1883). Кроме того, Страхов писал стихи, которые вошли в книгу «Воспоминания и отрывки» (СПб., 1892).

⁷ Гретхен (Gretchen) – героиня трагедии Гете «Фауст».

⁸ Кимвал (греч. *κύμβαλον*) – древний музыкальный инструмент в виде двух медных чаш или пустых полушаров, ударяемых друг о друга. Образ «кимвал звенящий» имеет библейское происхождение: 1 коринф. :13–1 (Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий).

⁹ «За упреками Страхова Лермонтову стоит неприятие романтического типа мышления в поэзии и философии, острой индивидуализации стиля, подчеркнутой экспрессии и “высканности” изображения». – *Страхов Н.Н.* Литературная критика: Сб. статей / вступ. статья и сост. Н.Н. Скатова; коммент. В.А. Котельникова. СПб.: Русский христианский гуманитарный университет, 2000. С. 442. Здесь же дается оценка Страховым творчества М.Ю. Лермонтова (1814–1841).

¹⁰ Имя английского поэта-романтика Д.Г. Байрона (Вугон, 1788–1824) упоминается, например, в работах Страхова «Бедность нашей литературы» (СПб., 1868), «Заметки о Пушкине и других поэтах» (СПб., 1883) и др.

¹¹ Страхов, например, высоко оценивал роман Ч. Диккенса (Dickens, 1812–1870) «Наш общий друг» (1865) в работе «Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание» (1867).

¹² В. Гюго (Hugo, 1802–1885) упоминается, в частности, в книге Страхова «Бедность нашей литературы. Критические и исторические очерки» (СПб., 1868), где автор соглашается с мыслью Гюго, что великие поэты должны быть признаваемы равными между собой, которую Гюго высказывает в книге о Шекспире (Paris, 1864). См. также: *Страхов Н.Н.* Литературная критика. С. 116, 82, 85.

¹³ Гете И.В. (Goethe, 1749–1832) упоминается в целом ряде текстов Страхова, в частности, в «Борьбе с Западом...» (1882–1883), в «Бедности нашей литературы...» (1868), «И.С. Тургенев. Отцы и дети» (1862). В последней работе он писал: «Да и возможное ли дело, чтобы “Современник” восхищался Гете, эгоистом Гете, который служит вечно ссылкой для поклонников искусства, который представляет образец олимпийского безучастия к земным делам, который пережил революцию, покорение Германии и войну освобождения, не принимая в них сердечного участия, глядя на все события свысока!» – *Страхов Н.Н.* Литературная критика. С. 192–193. Для сравнения: из письма К.Н. Леонтьева от 18 апреля 1886 года к Т.И. Филиппову: «Катков для меня теперь противу меня прав, а знаете, кого я всей душой теперь ненавижу? Не угадаете. – Гете. Да, от него заразились и все наши поэты и мыслители, на чтении которых я имел горькое несчастье воспитаться и которые и в жизни меня столько руководили! “Рассудочный блуд, гордая потребность развития какой-то моей личности”... и т.д. Это ужасно! Нет тут никакой середины! Направо или налево! Или христианство и страх Божий, или весь этот эстетический смрад блестящего порока!.. Поздно уразумех и смирихся...» – *Филиппов Т.И.* Русское воспитание / сост., предисл. и коммент. С.В. Лебедева; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 409–410.

¹⁴ См., например, рассуждение Страхова о Н.В. Гоголе (1809–1852) в «Бедности нашей литературы...»: «Даже малосведущим в нашей словесности, конечно, памятливы упреки, которые делались Гоголю за сальность его изображений, за то, что в его произведениях нет лиц добродетельных и светлых, а одни только подлещи и дураки. ... Известно, что Гоголь сам пытался покинуть ту низменную сферу явлений, которая выпала на долю его таланта, пытался подняться в более высокие области и изобразить нам людей добродетельных и светлых, представителей “несметного богатства русского духа”. ... Известно далее, что Гоголь не совладал с этой попыткой и умер в то самое время, когда она лежала на его душе, так что неудача в его усилиях в той или иной степени, очевидно, содействовала его смерти». – *Страхов Н.Н.* Литературная критика. С. 53. Близкое к этому понимание сути таланта Гоголя высказывал и Розанов, например, в «“Легенде о Великом инквизиторе” Ф.М. Достоевского» (Русский Вестник. 1891. №№ 1–4). Как указывает А.Н. Николюкин, «Легенда...» «написана под влиянием литературных идей Н.Н. Страхова и опубликована при его содействии». – *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. С. 642.

¹⁵ Неточная цитата последней строки стихотворения «Я вижу в праздности...» (1828) А.С. Пушкина.

¹⁶ Начало знакомства Страхова с Ап.А. Григорьевым (1822–1864) послужили «Физиологические письма» Страхова (Русский Вестник. 1859. №№ 2, 22, 59), которые позднее под названием «Письма об органической жизни» войдут в его книгу «Мир как целое. Черты из науки и природы» (СПб., 1872). Эти письма привлекли внимание Ап. Григорьева. Их дружеские отношения длились с конца 1859 года до смерти Ап. Григорьева. Свои воспоминания об Ап. Григорьеве Страхов опубликовал в журнале «Эпоха» (1864. № 9). Страхов считал Ап. Гри-

горьева основоположником русской критики, а себя – наследником его метода «органической критики». Он полностью разделял взгляды Ап. Григорьева, которые, по его мнению, «состоят в том, что каждое художественное произведение представляет отражение своего века и своего народа, что есть существенная неразрывная связь между настроением народа, его своеобразным душевным складом, событиями его истории, его нравами, его религиею и пр. и теми созданиями, которые производят художники этого народа». – *Страхов Н.Н.* Литературная критика. С. 307. См.: А.А. Григорьев. Материалы для биографии. П., 1917; *Григорьев Ап.* Воспоминания. М., 1930; *Егоров Б.Ф.* Материалы об Ап. Григорьеве из архива Н.Н. Страхова // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 139. Тарту, 1963.

¹⁷ Страхов познакомился с Н.Я. Данилевским (1822–1855) в 1847 году в Петербургском университете, их связывала сердечная дружба, общность взглядов. В этой творческой «паре», по образному определению Розанова, «Страхов был ювелир, Данилевский – архитектор». – *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма. М.: Аграф, 2000. С. 11. В 1869 году В.В. Кашпирев основал журнал «Заря» (1869–1872). На страницах этого журнала в 1869 году (№№ 1–6, 8–10) было опубликовано центральное сочинение Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», которое определило направление журнала, о чем свидетельствуют воспоминания писателя В.Г. Авсеенко (1842–1913), где автор пишет, что Страхов определял идеологию журнала, следя, «чтобы в нем строго выдерживалась программа, заложенная Н.Я. Данилевским». – Цит. по изд.: Н.Н. Страхов и русская культура XIX – XX вв.: к 180-летию со дня рождения: Материалы международной научной конференции 28–30 октября / отв. ред. Антонов Е.А. Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2008. С. 154.

¹⁸ Речь идет о полемике Страхова с В.С. Соловьевым (1853–1900), которая началась с публикации Соловьевым статьи «Россия и Европа» (Вестник Европы. 1888. №№ 3, 4). В этой статье Соловьев подверг резкой критике книги Данилевского «Россия и Европа», «Дарвинизм», «Борьбу с Западом в русской литературе» Страхова. В ответ Страхов публикует статью «Наша культура и всемирное единство» (Русский Вестник. 1888. Июнь), считая, что своими доводами «разбил в прах его (Соловьева. – И.Е.) статью, его логику и отчасти религию». – *Страхов Н.Н.* Письмо от 18 мая 1888 года (*Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма. М.: Аграф, 2000. С. 94–95) В январе 1889 года в «Вестнике Европы» выходит статья Соловьева «О грехах и болезнях», которая направлена против теории культурно-исторических типов Данилевского. Страхов публикует в ответ статью «Последний ответ г. Вл. Соловьеву» (Русский Вестник. 1888. Февраль). В августе 1890 года в «Русской мысли» Соловьев вновь возвращается к книге Данилевского «Россия и Европа», публикуя статью «Мнимая борьба с Западом». Ответом явилась статья Страхова «Новая выходка против книги Н.Я. Данилевского» (Новое Время. 1890. 21 сент. И 20 нояб.) В ответ Соловьев в «Вестнике Европы» (1890. Ноябрь) печатает статью «Счастливые мысли Н.Н. Страхова». На эту статью Страхов не счел нужным ответить. Далее Соловьев в статье «Немецкий подлинник и русский список» (Вестник Европы. 1890. № 12) вновь обращается к идеям Данилевского, обвиняя его в плагиате. В ответ Страхов опубли-

ковал статью «Исторические взгляды Г. Рюккерта и Данилевского» (Русский Вестник. 1894. №10), где категорически возражает Соловьеву. Статьи этой шестилетней полемики войдут в сочинения Страхова («Борьба с Западом» в трех книгах, 1882–1883) и Вл. Соловьева («Национальный вопрос в России». Вып. 1, 1883–1888; Вып. 2, 1889–1891). В примечаниях 1913 года к уже цитированному письму Страхова Розанов рассказывает эпизод: он шел от Страхова с одним поклонником идей Вл. Соловьева и спросил своего спутника, что думает он о полемике Соловьева со Страховым. Его спутник ответил: «Страхов, конечно, *гораздо умнее* (курсив Розанова. – И.Е.) Соловьева... Но у Страхова, конечно, нет и малой доли того *великолепного творчества* (курсив Розанова. – И.Е.), какое есть у Соловьева». И далее Розанов добавляет: «Почти не нужно договаривать, что в споре *шум* (курсив Розанова. – И.Е.) победы был на стороне Соловьева, а *истина* (курсив Розанова. – И.Е.) победы была на стороне Страхова». Причина заключается в том, что «Страхов писал в “Русском Вестнике”, которого никто не читал, а Соловьев – в “Вестнике Европы”, который был у каждого профессора и у каждого чиновника на столе... Страхов был измучен и угнетен этою полемикой, зная хорошо, что его “читать не будут”, а Соловьева будут “читать и аплодировать” подписчики Стасюлевича, т.е. вся (условно) образованная Россия». – *Розанов В.В. Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма*. С. 95.

¹⁹ В кн. «Россия и Европа» Данилевский выделил 13 культурно-исторических типов, каждый из них состоит из идеальной формы и органической материи, в качестве специфической основы выступают самобытные начала. Поскольку культурно-исторический тип – органическое образование, его эволюция заключается в прохождении фаз жизненного цикла от рождения до «старости» и смерти. Как писал Страхов, Данилевский «дал новую формулу для построения истории», «он отверг единую нить в развитии человечества, ту мысль, что история есть прогресс... цивилизации. Такой цивилизации нет, говорит Данилевский, существуют только частные цивилизации, существует развитие отдельных культурно-исторических типов». – *Страхов Н.Н. Борьба с Западом / сост. и коммент. А.В. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 381.*

²⁰ См.: *Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование*. Т. 1–2. СПб., 1885. Данилевский подвергает резкой критике эволюционную теорию Дарвина, понимая ее в мировоззренческом аспекте как полное отрицание сверхчувственного мира. «Из сказанного ясно, какой степени важности вопрос о том, прав Дарвин или нет, не для зоологов и ботаников только, но для всякого мало-мальски мыслящего человека». – *Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование*. Т. 1. С. 18. «Бесвязной кучей мусора» называет дарвиновское учение Данилевский. – Там же. С. 23.

²¹ *Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. СПб., 1871.

²² Данилевский не успел дописать «Дарвинизм», после его смерти собрал и издал Н.Н. Страхов, который никогда не был богатым человеком, жил на заработки от переводческой и научной деятельности.

²³ Бутлеров А.М. (1828–1886) – химик-органик, академик Петербургской АН (1874). Младший современник

Бутлерова, профессор минералогии С.Ф. Глинка (1855–1927) пишет в воспоминаниях: «Мне однажды, еще при жизни А.М. Бутлерова, пришлось услышать следующее мнение о нем и Д.И. Менделееве: из профессоров Университета самый умный – Бутлеров, а самый талантливый – Менделеев». – А.М. Бутлеров (по материалам современников) / отв. ред. акад. Б.А. Арбузов; сост. Л.П. Иванова. М.: Наука, 1978. С. 99 (здесь же на с. 104–105 помещены воспоминания о Бутлерове С.Ф. Шаропова (1855–1911), издателя, публициста, хорошего знакомого Розанова). Вагнер Н.П. (1829–1871) – товарищ Бутлерова по Казанскому университету, профессор зоологии Казанского университета (1860–1871); детский писатель, автор «Сказок Кота-мурлыки». Страхов спорил с Бутлеровым и Вагнером как сторонниками спиритизма, посвятив этой проблеме книгу «О вечных истинах. Мой спор о спиритизме» (СПб., 1887). Он полагал спиритизм в равной степени чуждым и науке, и религии. Искренне и горячо веруя в Бога, утверждая, что на этой вере «держится жизнь главной массы человечества» («О вечных истинах...», с. 20), Страхов категорически возражал против механистического понимания органических процессов жизни и одновременно против релятивизации научных законов и принципов. Против спиритизма Бутлерова и Вагнера выступил также Д.И. Менделеев, записав в «Списке моих сочинений»: «Когда А.М. Бутлеров и Н.П. Вагнер стали очень проповедовать спиритизм, я решился бороться против суеверия... противу профессорского авторитета – следовало действовать профессорам же. Результата достигли: бросили спиритизм. Не каюсь, что хлопотал много». – Архив Д.И. Менделеева. Т. 1. Л.: Изд. ЛГУ, 1951. С. 74–75.

²⁴ В полемику с Д.И. Писаревым (1840–1868) Страхов, в частности, вступает в статье «И.С. Тургенев. Отцы и дети» (Русский Вестник. 1862. № 2), где тонко подмечает характерные черты отечественной либеральной критики – требовать от литературы полного совпадения со своими идейными требованиями: «Очевидно, Базаров смотрит на вещи не так, как г. Писарев. Г. Писарев, по-видимому, признает искусство, а на самом деле его отвергает, т.е. не признает за ним его настоящего значения. Базаров прямо отрицает искусство, но отрицает его потому, что глубже понимает его. Очевидно, музыка для Базарова не есть чисто физическое занятие, и читать Пушкина не все равно, что пить водку. ... В мелодии Шуберта и в стихах Пушкина он ясно слышит враждебное начало; он чувствует их всеувлекательную силу и потому вооружается против них». – *Страхов Н.Н. Литературная критика*. С. 193. См. также: *Грот Н.Я. Памяти Н.Н. Страхова*. М., 1896. Писареву, по определению Розанова, «всегда было 12 лет». – *Розанов В.В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина*. М.: Республика, 1995. С. 557.

²⁵ Осмыслению идеологом Н.Г. Чернышевского (1828–1889) посвящена, в частности, статья Страхова «“Что делать?” Н.Г. Чернышевского (Счастливые люди)» (Библиотека для чтения. 1865. № 4). Отметив в «Что делать?» Чернышевского «напряжение вдохновения» и несомненную реальность изображенного нового типа, Страхов обвиняет автора в искажении «природы человека», в «простом, холодном, почти нечеловеческом отрицании страданий». – *Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма*. 1861 – 1865. СПб., 1890. С. 315, 328, 338. Розанов, сопоставляя Страхова и Чернышев-

кого, указывая на их общее семинарское образование, разницу видит в том, что Страхов понимал, что христианство «серьезнее, солиднее, возвышеннее, благороднее, чем шумящий “в веке сем” Дарвин и Спенсер, да и его любимый Гегель» в отличие от того же Чернышевского и др. сотрудников «Современника», «тоже вышедших из семинарии», но неблагоприятно побежавших за Поль де Коком и Спенсером. – *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма. С. 223.

²⁶ Тимирязев К.А. (1843–1920) – естествоиспытатель-дарвинист, основоположник физиологии растений, чл.-корреспондент Петербургской АН (1890). В 1887 году Страхов опубликовал статью «Полное опровержение дарвинизма» (Русский Вестник. 1887. Январь), посвященную книге Данилевского «Дарвинизм». По мысли Страхова, «эта книга есть истинный подвиг русского ума и русского чувства... Труд Н.Я. Данилевского нужно причислить к самым редким явлениям во всемирной печати... эта книга составляет честь русской ученой литературы» (с. 62). Еще до появления статьи Страхова Тимирязев внимательно прочитал оба тома сочинений Данилевского, оставляя повсюду свои (весьма характерные!) пометки: «Вздор!», «Чепуха!», «Нахальство!», «Пустозвонство!». – Цит. по кн.: *Платонов Г.В.* Мироззрение К.А. Тимирязева. М.: Изд. АН СССР, 1952. С. 115. В ответ на статью Страхова Тимирязев пишет «Опровергнут ли дарвинизм?» (Русская мысль. 1887. № 5), где обвиняет Данилевского в отсутствии оригинальности мысли. (Позднее, уже в советское время, Тимирязев с гордостью будет утверждать, что **всё** (выделено мной. – *И.Е.*) тогда было на стороне Данилевского, а он, единственный, выступил против). Страхов ответил статьей «Всегдашняя ошибка дарвинистов» (Русский Вестник. 1887. №№ 11, 12). Главной ошибкой дарвинистов, по мысли Страхова, является подмена действительного возможным. В 1889 году Тимирязев пишет статью «Бессильная злоба антидарвиниста» (Русская мысль. 1889. №№ 5, 6, 7), где представляет взгляды Страхова как «антинаучные». «Схολастическая реакция» – такова оценка Тимирязевым труда Данилевского, который, по мнению Тимирязева, обладал «скудными и обрывочными» познаниями в области биологии, эволюционизма и дарвинизма. По определению Розанова, Тимирязев принадлежит к университетским тупицам. – *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма. С. 15. Розанов внимательно следил за развернувшейся в 1887 году вокруг книги Данилевского полемикой. Наконец, в 1889 году Розанов обращается к Страхову с просьбой помочь опубликовать его статью «Органический процесс и механическая причинность», связанную с книгой Данилевского. На эту просьбу Страхов в письме от 5 февраля 1889 года сообщает Розанову: «Если бы Вы написали несколько страниц (не печатных листов) об отношении органического к механическому, то это можно будет поместить в виде размышления к выпуску второго тома “Дарвинизма”». В результате статья была напечатана в «Журнале Министерства Народного просвещения» (1889. №5. С. 1–22). В примечаниях 1913 года к этому письму Страхова Розанов с горечью пишет: «Считаю ее (статью “Органический процесс и механическая причинность”. – *И.Е.*) вполне *точной*, вполне *правильною*, необыкновенно для науки *ценною*. Задача ее была: изложить, указать, определить, вывести: 1) признаки, свойства, *устройство*, так сказать, целесообразного процесса, 2) и – процесса ме-

ханического. В Испании XI века она была бы принята с “браво! браво! давай! нужно!” У нас просто на нее взглянули только, и с вопросом “что это” – отодвинули в сторону. “Наш Акакий Акакиевич ничему не удивляется и надо всем спит” (курсив везде Розанова. – *И.Е.*)». – *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма. С. 113.

²⁷ (древнегреч.) источник происхождения.

²⁸ (древнегреч.) завершения.

²⁹ Собирательный образ плутовского гедонизма, по имени, в частности, персонажа в комедии У. Шекспира «Виндзорские проказницы» (1597), где Фальстаф (Falstaff) – стар и тяжеловесен, что не мешает ему быть плутом и весельчаком.

³⁰ Платон (Πλάτων) Афинский (427–347) – великий греческий философ, основатель Академии. Сущность философии Платона составляет учение об идеях. Идея всегда реальнее и живее зримой вещи, будучи источником бытия. Страхов относил имя Платона к чарующим именам в истории человечества. «Душа наша, как говорит Платон, родилась в царстве вечных форм, вечных образцов существующего, и она ищет на земле их подобия. Все временное, неполное, случайное, неясное, следовательно, вся наша жизнь со всеми ее событиями и чувствами, – не может удовлетворить нас. Нам нужна неизменная мысль, содержащаяся в бегущих явлениях; нужны незыблемые образы, краски, формы, которые мы могли бы созерцать; нужен определенный строй звуков, который воплощал бы для нас сущность нашего мятущегося чувства. Хоть на короткие сроки, но мы вырываемся из потока жизни и с великою отрадой чувствуем себя в положении вечных существ, которые не живут, а только видят самую глубину всего живущего, смысл всякого чувства, всякого мгновения». – *Страхов Н.Н.* Литературная критика. С. 124, 428.

³¹ «Русский Вестник» (1856–1906) – литературный и политический журнал. Издавался в Петербурге. Розанов печатался в журнале с 1889 по 1902 годы. В частности, на страницах этого журнала Розанов напечатал рецензию «Вопрос о происхождении организмов» (РВ. 1889. № 5) на книгу Данилевского «Дарвинизм» (СПб., 1889. Т. 2). Об отношении Розанова и РВ см. в статье В.А. Фатеева в изд.: *Розановская энциклопедия / под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: РОССПЭН, 2008. Стлб. 2023 – 2027.

³² «Русское Обозрение» (1890–1898; 1901; 1903) – литературно-политический и научный ежемесячный журнал. Издавался в Москве. Розанов сотрудничал в журнале с 1892 по 1898 годы. Первая статья «О трех фазисах в развитии нашей критики» появилась в августе 1892 года. Вероятно, по рекомендации Страхова. В РО (1896. № 10) был опубликован Розановым некролог «Н.Н. Страхов (+24 янв. 1896 г.)». Подробнее об отношении Розанова с РО см. статью М.С. Дроздова в изд.: *Розановская энциклопедия / под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: РОССПЭН, 2008. Стлб. 2036–2038.

³³ «Московские Ведомости» (1756–1917) – одна из старейших русских газет, до 1909 года издавалась Московским университетом. Розанов сотрудничал с газетой в течение 1889–1892 годов. В частности, здесь была опубликована статья Розанова «Отречение дарвиниста» (1889. 21 окт. № 291) – ответ на статью К.А. Тимирязева «Бессильная злоба антидарвиниста», которая была полемически заострена против статьи Страхова «Ве-

гдашняя ошибка антидарвинистов». Об отношениях Розанова с МВ см. статью А.Н. Николокина в изд.: Розановская энциклопедия / под общ. ред. А.Н. Николокина. М.: РОССПЭН, 2008. Стлб. 1678–1679.

³⁴ «Новое Время» (1867–1917) – еженедельная (с 1881 года выходило два выпуска – утренний и вечерний) политическая и литературная газета. Издавалась в Петербурге. Розанов печатался с конца 1894 по 1917 годы. Первой публикацией стала статья «Рассеянное недоразумение» (1894. 9 нояб.) по поводу полемики Страхова с Вл. Соловьевым о книге Данилевского «Россия и Европа». Подробнее о работе Розанова в НВ см. статью В.Н. Дядичева в изд.: Розановская энциклопедия / под общ. ред. А.Н. Николокина. М.: РОССПЭН, 2008. Стлб. 1721–1727.

³⁵ Фишер К. (Fischer, 1824–1907) – немецкий историк философии. Как заметил в 1896 году Б.В. Никольский, «эта книга («История Новой философии» в пер. Страхова. – И.Е.) давно распродана, и тем не менее на нее существует огромный спрос». – *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу / сост., предисл. и примеч. Д.И. Стогова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 289.

³⁶ Ланге Ф.А. (Lange, 1828–1875) – немецкий философ и экономист. Страхов сделал перевод (Т. 1–2. СПб., 1881–1883) с третьего издания книги Ланге «История материализма и критика его значения в настоящее время», написанной в 1866 году.

³⁷ Тэн И. (Taine, 1828–1893) – французский философ, эстетик и писатель. Страхов перевел его книгу «Об уме и познании» (т. 1–2. СПб., 1870). Также см. статью Страхова «Заметки об Тэне» (Русский Вестник. 1893. № 3).

³⁸ Сведения о других переводах см.: *Никольский Б.В.* Сокрушить крамолу. С. 290.

³⁹ Федон (Φαίδων) из Элиды (1-я пол. IV в. до Р.Х.) – философ-сократик, основатель Элидо-эретрийской школы.

⁴⁰ *Страхов Н.Н.* О вечных истинах. Мой спор о спиритизме. СПб., 1887.

⁴¹ Сократ (Σοκράτης) из Афин (469–399 до Р.Х.) – древнегреческий философ, учитель Платона; был признан образцом истинного философа и праведника в большинстве философских школ Античности. Анаксагор (Ἀναξαγόρας) из Клазомен (500–428 до Р.Х.) – древнегреческий философ и ученый, систематизатор основных проблем философии досократовского периода. Ноῦς – ум, чье описание дает Симпликий Киликийский (ок. 490–560 по Р.Х.) в комментариях к «Физике» Аристотеля (384–322 до Р.Х.): ум безграничен, самодержавен, ни с чем не смешан, пребывает сам по себе; ум причина всеобщего природного круговращения. За Анаксагором закрепилось прозвище Ἀναξαγόρας ὁ Νοῦς – Анаксагор-Ум. В книге Страхова «Мир как целое» Сократ и Платон предстают в интерпретации Немезия Эмесского (втор. пол. V – нач. VI), олицетворяя вечную повторяемость земного бытия. Страхов комментирует: «Звезды должны вращаться подобным прежнему образом, это значит – должны наступить те же причины и они производят те же следствия. Явятся Сократ и Платон, это значит – мысль человеческая пойдет тем же путем и будет претерпевать те же превращения (курсив везде Страхова. – И.Е.)». Далее Страхов высказывает свое резкое несогласие, замечая, что «такое понимание противно самой сущности человеческого ума». – *Страхов Н.Н.*

Мир как целое. Черты из наук о природе / предисл., коммент. Н.П. Ильина (Мальчевского). М.: Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, 2007. С. 266.

⁴² Толстого Л.Н. (1828–1910) и Страхова связывали долгие дружеские и творческие отношения, которые нашли отражение в их двадцатипятилетней переписке: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб., 1914; Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2 т. / Группа славянских исследователей при Оттавском университете и Государственный музей Л.Н. Толстого, 2003. Размышления Страхова о творчестве Толстого см. в изд.: *Страхов Н.Н.* Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862–1885). Т. 1–2 СПб., 1896.

⁴³ Неведомский А.Н. – переводчик.

⁴⁴ Пыпин А.Н. (1833–1904) – историк литературы, академик Петербургской АН (1898). С середины 1860-х годов усиленно занимался переводческой деятельностью. Частью под ред. Пыпина, частью в его переводе появились историко-литературные и исторические сочинения Шерра, Геттнера, Дрэпера, Лекки, Тэна, Рохуа, Бентама. Вместе с М.А. Антоновичем (1835–1918) перевел «Историю индустриальных наук от древнейшего до настоящего времени» (1867–1869) У. Уэвеля. Знакомясь с трудами Уэвеля и Фишера, Розанов признается, что «был (в годы ближайшие по отпечатанию своей книги [«О понимании». – И.Е.] поражен. – отчасти унылостью, но гораздо больше радостью, - что действительно мои “Америки” открыты, но, с другой стороны, что это – действительно “Новый Свет”, совершенно неведомо и никогда не вносившийся в русские университеты». – *Розанов В.В.* Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма. С. 98.

⁴⁵ Карлейль Т. (Carlyle, 1795–1881) – писатель, историк и философ. Автор сб. журнальных статей «Исторические и критические опыты» (1847). Первый перевод на рус. яз. был сделан в 1856 году.

⁴⁶ Работа Дарвина (Darwin, 1809–1882) «Происхождение человека и подбор по отношению к полу» (1859) в пер. И.М. Сеченова (1829–1905) вышла в 1871 году.

⁴⁷ Тэн И. (Taine, 1828–1893). История общественно-го развития Англии в связи с литературою. СПб., 1876.

⁴⁸ Мечников И.И. (1845–1916) – биолог и патолог. Речь идет о книге «Лекция о сравнительной патологии воспаления» (1892).

⁴⁹ См.: *Догель В.А., Гайсинович А.Е.* Основные черты творчества И.И. Мечникова как биолога // Мечников И.И. Избранные биологические произведения / ред. статья и примеч. чл.-корресп. АН СССР В.А. Догеля и А.Е. Гайсиновича. М.: Изд. АН СССР, 1950. С. 677–725.

⁵⁰ Мечников преподавал в Новороссийском университете в 1872–1882. В Харькове Мечников учился в гимназии (1856–1862), которую закончил с золотой медалью.

⁵¹ «Странности» Мечникова, видимо, связаны со спецификой его личности. В детстве он в один день чуть не утонул и чуть не сгорел, что навсегда повредило его психику, придав ей нервический облик; с детства же он отличался жестокостью в своем стремлении «заглянуть» внутрь всего живого (отрывание лап и крыльев у насекомых, вспарывание животов у мышей, крыс и кошек). С детства Мечников не отличался сильным здоровьем. Все опыты Мечникова связаны с терзанием живого мира от беспозвоночных до позвоночных (на одну из премий он купил для опытов обезьян), постоянное смотрение в увеличительное стекло за муками несчастных животных

привело его к болезни глаз. Он был чужд красоте окружающего мира, видя в нем объект для проведения опытов. Из искусства только музыка находила в нем некоторое сочувствие. Мечников придерживался левых взглядов, отличался безбожием, с 1888 года до смерти жил за границей, работал в Институте Пастера в Париже. Последние годы жизни был озабочен проблемами геронтологии, стремясь продлить собственную жизнь. После смерти тело его было сожжено; урна с прахом поставлена в библиотеке этого института.

⁵² Менделеев Д.И. Основы химии. Ч. 1 – 2. СПб., 1869 – 1871.

⁵³ Атомистическая теория – учение о дискретной структуре материи, времени или пространства. Традиционно связано с учением о телесных атомах Демокрита (460/457–ок. 360 до Р.Х.) и Эпикура (342/341–271/270 до Р.Х.). В широком смысле слова атомистической именуется всякая теория дискретного бытия.

⁵⁴ Ибн Рушд (лат. именование – Аверроэс, 1126–1198) – арабский философ и врач, представитель арабского аристотелизма. В примечаниях 1913 года к письму Страхова от 29 апреля 1888 года Розанов с горечью отмечает, что восемь университетов и четыре духовные академии «не увидели» его книги «О понимании» (1886) и приводит сопоставление: «Как-то я читал Ренана – “Аверроэс и аверроизм”, – и дойдя (тоже “открыв случайно”) до места, где говорится, что “когда умирал ученый, то у ворот дома его уже сторожили другие ученые, чтобы жадно раскупить оставшиеся после него манускрипты”, – вспомнил о своей книге и почти расплакался. “Что же это за мертвая пустыня, Россия, – где думай, открывай, изобретай – и никому даже не захочется подойти и посмотреть, что ты делаешь. ... Вот тебе и книгопечатание!!!” Аверроэс и аверроизм – это из истории арабской образованности в Испании». – *Розанов В.В. Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма. С. 94.*

⁵⁵ Менделеев Д.И. (1834–1907) – русский химик, педагог и общественный деятель. В письме от 20 февраля 1892 года Страхов пишет Розанову: «В каком розовом свете является у Вас послепетровская история! В действительности она отвратительна по убийствам, жестокости, разврату. Вы пишете, что мы занимались поэзией, искусством, науками... и горько подумать, как ничтожны были наши занятия поэзией, искусствами и науками». В примечаниях 1913 года Розанов комментирует эти мысли Страхова, вписывая Менделеева в любопытнейший контекст: «А разве не так: от Пушкина до Менделеева, от Ломоносова до Академии наук, до Академии художеств, Придворной певческой капеллы, ученого Эрмитажа и его коллекции? *Все* (курсив Розанова. – *И.Е.*) – было, и нельзя закрывать глаза на великое “да”!» – *Розанов В.В. Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма. С. 205.* Этот контекст не придумка Розанова, Менделеев, судя по воспоминаниям современников, родственников, его дневниковым записям, был человеком высокой культуры, с живым интересом постигающим ее образцы. Природа завораживала его воображение, была источником эстетического наслаждения.

⁵⁶ Кеплер И. (Kepler, 1571–1630) – немецкий астроном, один из творцов астрономии нового времени.

⁵⁷ Чичерин Б.Н. (1812–1904) – юрист, историк, философ, почетный член Петербургской АН (1893).

⁵⁸ Остроградский М.В. (1801–1861/62) – русский математик и механик, академик Петербургской АН (1830).

⁵⁹ Речь идет о реформе гимназий 1871 года (во времена, когда министром народного просвещения был граф Д.А. Толстой), которая повлияла и на возраст поступающих в университет, куда принимали только тех, кто закончил полный курс классической гимназии.

⁶⁰ Каринский М.И. (1840–1917) – русский логик и философ.

⁶¹ Радлов Э.Л. (1854–1928) – философ, директор Петербургской публичной библиотеки (1917–1924), переводчик «Этики» Аристотеля (1908).

⁶² Первая попытка провести Менделеева в академики была сделана группой академиков в 1874 году, но безуспешно. Однако уже через два года он без особых затруднений избирается чл.-корреспондентом: на заседании 30 ноября 1876 года за кандидатуру Менделеева проголосовали 17 академиков из 20. В начале 1880 года в связи со смертью Н.Н. Зинина (1812–1880), профессора химии, у которого учился в том числе и Менделеев, освободилось «кресло» академика («по части технологии и химии, приспособленной к искусствам и ремеслам»). Группа академиков (П.Л. Чебышев, Н.И. Кокшаров, А.М. Бутлеров) предложили кандидатуру Менделеева на указанное «кресло». Несмотря на мировую известность автора периодического закона химических элементов, несмотря на все выдающиеся работы Менделеева по химической технологии, 11 ноября 1880 года на заседании Отделения физико-математических наук был «непризнан избранным», получив в ходе голосования 9 голосов «за» и 10 «против». Менделеев тяжело переживал неудачные выборы. В обществе разразился скандал.

⁶³ Менделеев не был ни ректором Петербургского университета, ни деканом. 1880 год был одним из самых тяжелых в жизни Менделеева из-за переживаний личного характера: семейная жизнь не складывалась, и в 1882 году он развелся с первой женой, женившись позднее на А.И. Поповой. Он откровенно тяготился службой в университете, стремясь целиком посвятить себя науке. Менделеев пытался покинуть университет в 1880 году (по выслуге в 25 лет), затем – в 1885 году, став в итоге сверхштатным профессором, получил пенсию. В 1890 году он решил уйти из университета окончательно, это время совпало со студенческими волнениями. Менделеев передал просьбы студентов графу Делянову, министру просвещения, который вернул ему петицию студентов, сопроводив ее гневными инвективами в адрес ученого. Получив пакет, Менделеев решил немедленно уйти из университета. В тот же день (17 марта) он отправился к Делянову, выразил свой протест по поводу нанесенного ему оскорбления и заявил, что он не останется более в университете. Весной 1890 года (несмотря на самые горячие и искренние уговоры коллег, руководства университета) Менделеев навсегда покинул Петербургский университет.

⁶⁴ Вольты Л. (Volta, 1745–1827) – итальянский физик и физиолог.

⁶⁵ Публий Овидий Назон (Publius Ovidius Naso, 43 до Р.Х. – ок. 18 по Р.Х.) – римский поэт. Имеется в виду ссылка (relegatio) Овидия, в которую он был отправлен личным эдиктом императора Августа. Причина ссылки, по определению самого Овидия: *carmen et error*, «стихи» и «проступок». Местом ссылки был назначен город Томы (теперь Констанция в Румынии) близ Дуная, на Черном море (греч. название – Понт Эвксинский). В изгнании Овидий пробыл с 9 по 17 гг. по Р.Х.

⁶⁶ Геродот (Ἡρόδοτος, 490/480 – ок. 425) – греч. историк, названный Цицероном «отцом истории», автор сочинений, посвященных описанию греко-персидских войн с изложением истории государства Ахеменидов, Египта и др.; дал первое описание жизни и быта скифов. *Андрофаги* (греч. Ἀνδροφάγοι – пожиратели людей) – племя в Скифии, практиковавшее ритуальный каннибализм. *Гипербореи* (греч. Ὑπερβόρειοι) – блаженный народ, в стране которого солнце только один раз в год заходит и один раз в год восходит, плоды зреют быстро; гипербореи не знают ни вражды, ни споров, посвящают жизнь службе Аполлону, который охотно живет у них. Могут жить 100 лет.

⁶⁷ Раме (Rame, латиниз. Рамус, Ramus) П. де ля (1515–1572) – французский философ-гуманист, логик и математик, богослов.

⁶⁸ Бруно Дж. (Bruno, 1548–1600) – итальянский философ и поэт. В 1592 году арестован по доносу, проявил редкое упорство в отстаивании своих убеждений, был сожжен в Риме как нераскаившийся еретик.

⁶⁹ Де Фоз – речь идет об английском писателе эпохи Просвещения Д. Дефо (Defoe, 1660?–1731), который активно участвовал в делах государства. В частности, он выступил в защиту гонимых, написав памфлет «Кратчайший способ расправы с диссидентами» (1702). Этот памфлет послужил причиной для ареста, заключения Дефо в тюрьму. Затем писатель был подвергнут гражданской казни у позорного столба, о чем и упоминает Розанов. Эти сведения Розанов мог почерпнуть из работы В.В. Лесевича «Даниэль Дефо как человек, писатель и общественный деятель» (Русское Богатство. 1893. №№ 5, 7, 8). Хотя литературная и общественная деятельность Лесевича не вызывала у Розанова никакого сочувствия. Приведу характерный эпизод из «Мимолетного 1914 года»: «Эта априорная, “ослиная морда”, приложенная позитивизмом “ко всякой действительности” и царящая ныне во всем мире, никакого “дня” не сотворила и никакой ночи не отменила, а просто произвела “щель с тараканами”, наряду с Лесевичем, философию со Спенсером и факультеты русских университетов, подчиненные Дарвину и Чернышевскому. Сгинь, сгинь, сгинь, “умри, умри, умри”. С нами крестная сила. Проваливайте, тараканы». – *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Когда начальство ушло... / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1997. С. 378.

⁷⁰ Кусков Пл.А. (1834–1909) – поэт, литературный критик, переводчик, «старинный и неизменный друг» Страхова «еще от юношеских дней». – *Розанов В.В.* Собрание сочинений. «Легенда о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского. Лит. критика. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. С. 370.. В некрологе [П.А. Кусков (Некролог) / Новое Время. 1909. Август. № 12013] Розанов писал: «После продолжительной и тяжелой болезни скончался Платон Александрович Кусков, сотрудник и товарищ Ф.М. Достоевского, Н.Я. Данилевского и Н.Н. Страхова по журналам “Время” и “Эпоха” и видный чиновник... <...> Покойный Страхов, который достаточно знал “печатную философию”, неоднократно говаривал, что Кусков есть настоящий “урожденный” философ, с оригинальным и большим философским светом в себе, с полным и гармоничным мирозерцанием, и что в совершенно объективном, так сказать, библиографическом смысле, хотя он и не имеет (при жизни Страхова) фило-

софских трудов, тем не менее гораздо значительнее, интереснее и выше философов ex cathedra, что-то не свое, а искусственное преподающих в университете под именем “философии”. Ссылаюсь на мнение этого компетентного человека». – *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Старая и молодая Россия (Статьи и очерки 1909 г.) / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 272, 274. По составленному Розановым в 1917 году Плану полного собрания его сочинений в серии IX. Письма и материалы Кусков был включен в раздел «Литературные изгнанники». – *Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура / сост. и вступ. статья А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1992. С. 368.

⁷¹ Страхов учился в Главном Педагогическом институте в 1848–1851 годах. Главный Педагогический институт был закрытым учебным заведением: студенты учились и жили в его стенах, покинуть институт можно было только с разрешения инспектора. Распорядок дня был строгим. Действовала сложная система надзора за нравственностью студентов. Казенное содержание обеспечивало всем необходимым. К преподаванию привлекались известные ученые. Приведу эпизод из воспоминаний Д.И. Менделеева, который получил образование в этом институте почти в те же годы, что и Страхов: «... обязан Главному Педагогическому институту всем своим развитием. ... Нам все было дано, все было легко доступно, и мы брали предлагаемое потому, что от наших профессоров узнавали то, где и лучше всего взять. Все зависело, конечно, от того направления, которое имело все учебное заведение. А оно определялось тем, что профессора его были первоклассные ученые своего времени, как Остроградский по математике, Савич по астрономии, Ленц и Купфер по физике, Брандт по зоологии, Воскресенский по химии и т.п. Остановлю внимание еще на то, что предметов и профессоров у нас было немного... и ради этого многие предметы были общими на разных факультетах до того, что естественники и математики двух первых курсов проходили все предметы вместе, т.е. огонь в нашем очаге не тух от избытка топлива, а мог только разгораться под влиянием не только профессоров и товарищей, не только удобств для притока всего того кислорода, нужного для научного горения, который доставляли рядом со спальнями и жилыми помещениями находящиеся лаборатории и библиотеки, но и от того общего направления или пыла, который установился в Главном Педагогическом институте». – *Менделеев Д.И.* Сочинения. Т. 23. М.: Изд. АН СССР, 1952. С. 117.

⁷² Влас – герой одноименного стихотворения (1855) Н.А. Некрасова.

⁷³ Не удалось установить, о ком идет речь.

⁷⁴ «Иллюстрированная газета» (1863–1873) – еженед. издание, в котором печатались рисунки, пояснения к ним, беллетристика.

⁷⁵ Венский конгресс (1814–1815) – конгресс европейских государств (за исключением Турции); завершил войны коалиций европейских держав с Наполеоном I. В сентябре 1815 года постановления Венского конгресса дополнены актом о создании священного союза Австрии, Пруссии и России. О Венском конгрессе см.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / сост., коммент. С.А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. Гл. II. Почему Европа враждебна России. *Игемон* (ἡγεμόν) – прокуратор, римский начальник завоеванной области, предводитель.

⁷⁶ Берлинский конгресс (1878) – созван по инициати-

ве Великобритании и Австро-Венгрии, выступавших против усиления позиций России на Балканах. Россия вынуждена была пойти на уступки.

⁷⁷ Присяжный поверенный (1864–1917) – адвокат на государственной службе при окружном суде или судебной палате.

⁷⁸ Монитор (лат. *monitor* надзирающий) – помощник учителя в школе, назначался из старшекласников.

⁷⁹ Речь идет о реформе школьного образования, которую с середины 1860-х годов активно отстаивал М.Н. Катков (1818–1887). В результате 30 июля 1871 года был утвержден новый устав, признававший только классические гимназии (с двумя древними языками) и прогимназии; реальные гимназии были переименованы в реальные училища, по окончании которых поступление в университет было закрыто.

⁸⁰ Главное общество Российских железных дорог основано 28 янв. 1857 года для постройки в течение 10 лет и потом содержания в течение 85 лет сети железных дорог протяженностью около 4000 верст.

⁸¹ Ост-зейский край – Прибалтийский; При-Вислянский край – Польская Прибалтика.

⁸² Комедия «Ревизор» (1836) Н.В. Гоголя. «Гоголь в своем “Ревизоре” говорил, что есть одно честное лицо – смех». – *Страхов Н.Н.* Литературная критика. С. 211.

⁸³ Комедия «Горе от ума» (1831) А.С. Грибоедова. Страхов признавал в Грибоедове одного из больших деятелей русской культуры, обнаруживал в его творчестве влияние славянофильских идей («Бедность нашей литературы»), в то же время критиковал в вопросе «об авторитете Запада» («Взгляд на текущую литературу»).

⁸⁴ Поэма «Мертвые души» (1842) Н.В. Гоголя. В неопубликованной при жизни Розанова статье «Рассыпавшиеся Чичиковы» (1918) образ гоголевского персонажа станет символом «Государственной» думы, которая «продала народность, продала веру, продала земли, продала работу. Продала, как бы Россия была ее крепостною рабою. Она вообще продала все, что у нее торговали и покупали». – *Розанов В.В.* Собрание сочинений. В чаду войны (Статьи и очерки 1916 – 1918 гг.) / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 525. См. также примеч. 14.

⁸⁵ Автобиографич. повесть «Детские годы Багрова-внука» (1858) С.Т. Аксакова.

⁸⁶ Повесть «Капитанская дочка» (1836) А.С. Пушкина. Сопоставляя «Капитанскую дочку» Пушкина с «Войной и миром» Толстого, Страхов пишет: «“Капитанская дочка”... не исторический роман... исторические лица... являются у Пушкина мельком в немногих сценах... Главное же внимание сосредоточено на событиях частной жизни Гриневых и Мироновых, и исторические события описаны лишь в той мере, в какой они прикасались к жизни этих простых людей». – *Страхов Н.Н.* Литературная критика. С. 296.

⁸⁷ Любим Торцов – герой комедии «Бедность не порок» (1854) А.Н. Островского. К творчеству Островского Страхов относился в целом с сочувствием, не принимал его хроник, считая, что лучше всего дар Островского проявляется в «бытовых драмах» («Бедность нашей литературы»): «Бытовые драмы г. Островского принадлежат к настоящим богатствам нашей литературы; они составляют произведение той глубокой и трезвой струи, которая ведет начало своего течения от Пушкина». – *Страхов Н.Н.* Литературная критика. С. 57.

⁸⁸ «Аблакат» (простореч.) – адвокат.

⁸⁹ Расплюев, Кречинский – персонажи в комедии «Свадьба Кречинского» (1856) А.В. Сухово-Кобылина (1817–1903).

⁹⁰ Суарес (Suarez) Ф. (1546–1617) – испанский теолог и философ.

⁹¹ Лаццарони (итал. *lazzaroni* нищие, босаяки) – люмпен-пролетарские элементы в Южной Италии в XVII – XIX вв.

⁹² Речь идет, видимо, о любовных переживаниях, финансовой несостоятельности, склонности к алкоголю Ап. Григорьева. «Противоположности сломали его жизнь», – напишет Страхов. Ф.М. Достоевский в послесловии к воспоминаниям Страхова о Григорьеве добавит: «Может быть, из всех своих современников он был наиболее русский человек как натура (не говорю – как идеал; это разумеется)» / *Славянофилы. историческая энциклопедия* / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 161.

⁹³ *Григорьев Ап.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1876. В 1888 году по просьбе Розанова Страхов вышлет ему этот том и Розанов напишет: «Без Ваших объяснений Ап. Григорьев долго не был бы принят, может быть (по нашей лености к трудному чтению), никогда; и вообще, Ваше отношение к нему и Данилевскому, то, что Вы всегда выдвигаете их вперед себя – есть одна из самых светлых и благородных черт Вашей деятельности, личности, писаний... <...> Лучше всего в “Предисловии” место, где Вы говорите о 1-ом условии быть критиком – о способности к восторгу». – *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. С. 187.

⁹⁴ См. примеч. 18.

⁹⁵ Речь идет об издании: *Страхов Н.* Философские очерки. СПб., 1895. На эту книгу Розанов отозвался статьей «Смена мировоззрений» (Русское Обозрение. 1895. № 7. С. 193–207), которая открывалась сущностной характеристикой Страхова как деятеля культуры: «Сборник философских очерков, изданных г. Страховым в нынешнем году, завершает собою длинный ряд книг, содержащих наиболее обработанное из всего, что было им написано от дней нашего “возрождения”, в первые годы царствования императора Александра II, и до предшествующего года, когда мы потеряли его сына. На протяжении двух царствований и почти полувека знамя, которое нес этот писатель, оставалось то же; и в то время как даже такие упорные бойцы, как покойный Достоевский, иногда поддавались в сторону противоположных знамен, – автор, на книге которого мы останавливаем внимание читателей, ни одним жестом, никаким движением и ни в какое время не выразил намерения в чем-либо отделиться от того, с чем он ранее был слит, или с чем-нибудь сблизиться, от чего он был когда-нибудь отдален. Совершенная неизменяемость его духовного образа и неподатливость литературного положения есть его отличительная особенность». Позднее эта статья войдет в книгу Розанова «Природа и история. Сборник статей» (СПб., 1900). – *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Природа и история (Статьи и очерки 1904–1905 гг.) / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 139–149.

⁹⁶ Видимо, речь идет о первом томе сочинений А.А. Григорьева. Как пишет Розанов, «по смерти друга

своего, Ап. Григорьева, он также собрал его главные критические статьи, и, несмотря на крайнюю бедность свою, кажется, на занятые... деньги – издал их». – *Розанов В.В. Собрание сочинений. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.) – Сумерки просвещения / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. С. 560. Приведу полное описание титульного листа: Сочинения Аполлона Григорьева. Том первый (С портретом). Издание Н.Н. Страхова. С.-Петербург. Типография товарищества «Общественная польза», Б. Подъяческая, собств. Д. № 39. 1876. В этом том Страхов поместил критические работы Ап. Григорьева 1851–1864 годов, усматривая в них «период зрелой деятельности» (I). И далее: «Искусство не есть простое изображение жизни; оно есть непременно и суд над нею, суд во имя самых высших начал, только не существующих в отвлечении, а тех, которые живут и стремятся воплотиться в изображаемой жизни. Идеал души чело-*

*веческой, по убеждению Ап. Григорьева, всегда и везде остается неизменным; но в своем чистом и общем виде он не может ни воплотиться, ни быть познаваем. В этом отношении нам доступна, как выражался Ап. Григорьев, только цветная (курсив Страхова. – И.Е.) истина; ее выражение есть искусство» (III). Позднее Розанов с горечью напишет: «Изданные было Страховым “Избранные сочинения” Ап. Григорьева остались нераспроданными в книжных магазинах, затем пошли “с весу” к букинистам и у последних были съедены мышами – обычная судьба русского мыслителя, если он “не мирен” и не идет “со стадом”». – *Розанов В.В. Собрание сочинений. «Легенда о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. С. 608.**

⁹⁷ Стахеев Д.И. (1840–1918) – писатель, автор путевых очерков, повестей, романов. Страхов заметил и оценил литературное дарование Стахеева.

УДК 882.09

ББК 83.3 (2 Рос = Рус)

М.Ю. Эдельштейн

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Edel172@gmail.com

ВОКРУГ ОДНОЙ РЕЦЕНЗИИ В.В. РОЗАНОВА

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструкции сюжета, связанного с рецензией В.В. Розанова на книгу стихов Н.Н. Шульговского «Лучи и грезы» (1912). Публикуются два письма Шульговского к Розанову.

Ключевые слова: Розанов, Шульговский, поэзия, рецензия, Серебряный век, биографические штудии.

В номере «Нового времени» от 11 апреля 1912 года появилась рецензия В.В. Розанова на только что вышедшую книгу стихов Николая Шульговского «Лучи и грезы». Этот, казалось бы, проходной, случайный розановский текст, в действительности, породил небезынтересный сюжет, реконструкция которого составляет основу настоящей статьи. Сразу оговоримся, что более или менее подробно о личности Шульговского мы пишем в двух работах, имеющих появиться в ближайшее время¹, поэтому здесь позволим себе прочертить его биографию лишь пунктиром.

Николай Николаевич Шульговский родился в Петербурге 14 мая 1880 года в дворянской семье. Мать умерла через две недели после рождения сына, так что его воспитанием занимались отец, известный врач, и тетка (сестра отца). В 1906 году Шульговский окончил юридический факультет Петербургского университета и был оставлен для приготовления к ученой степени при кафедре государственного права. Однако фактически с

самого начала пребывания в университете он занимался на кафедре энциклопедии и философии права у профессора Л.И. Петражицкого, был многолетним секретарем, затем председателем и историографом его знаменитого кружка.

Карьера Шульговского как юриста-теоретика складывалась вполне успешно, но отвращение к практической юриспруденции и желание целиком посвятить себя литературным занятиям заставили его отказаться от этого пути. С 1907 года Шульговский публикуется как прозаик, двумя годами позднее в журнале «Мир» было напечатано его стихотворение «Песня о Лотосе». С этого времени на протяжении десяти лет он регулярно выступает в периодике (преимущественно – в тонких иллюстрированных журналах) со стихами и рассказами.

Проза Шульговского так и не вышла отдельным изданием, стихотворные же произведения собраны в двух книгах: «Лучи и грезы» (1912) и «Хрустальный отшельник» (1917). Рецензенты